

ГОВАРД ЛАВКРАФТ

*НЕКРОНОМИКОН.
КНИГА ЗАПРЕТНЫХ ТАЙН*



*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л13

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского

Серийное оформление и компьютерный дизайн
А. Фереза, Е. Ферез

Художник *В. Половцев*

Лавкрафт, Говард Филлипс.

Л13 Некрономикон. Книга запретных тайн : [сборник : перевод с английского] / Говард Филлипс Лавкрафт. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-119689-9

Причудливые, полные ужаса истории, вошедшие в этот сборник, расскажут о тех, кто вкусил из ядовитой чаши запретных знаний — «Некрономикона» — и в полной мере ощутил последствия этого шага. Но Лавкрафт, как ни странно, создавал и другие рассказы — уютные, насмешливо-пародийные, полные дружеского тепла по отношению к своим собратьям по перу: Кларку Э. Смигу, Августу Дерлету, Роберту Говарду и другим, хотя со многими из них он никогда в жизни не встретался...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Перевод. О. Колесников, 2019
© Перевод. Ю. Соколов, 2016
© Перевод. В. Бернацкая, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ИСТОРИЯ «НЕКРОНОМИКОНА»

Первоначальное название книги — «Аль-Азиф»; словом «азиф» арабы обозначали ночные звуки (издаваемые насекомыми), которые они принимали за вой демонов.

Составил эту книгу Абдул Альхазред, безумный поэт из Саны в Йемене, творивший, по слухам, во времена Омейядского халифата, ок. 700 г. нашей эры. Он посетил руины Вавилона, тайные подземелья Мемфиса и провел десять лет в одиночестве на юге Аравии, в великой пустыне, которую древние арабы назвали Руб-эль-Хали, то есть «пустое пространство», а нынешние зовут «Дахна», то есть «багряная», где, как считается, обитают лишь злые духи-хранители и смертельно опасные чудища. Те, кто уверяют, что побывали в этой пустыне, рассказывают о ней вещи странные и невероятные. Последние свои годы Альхазред провел в Дамаске, где и был написан «Некрономикон» («Аль-Азиф»), и об окончательной его смерти или исчезновении (в 738 г.) рассказывают много ужасного и противоречивого. Как сообщает Ибн Халликан (биограф XII века), его средь бела дня схватило и сожрало на глазах множества застывших от ужаса свидетелей невидимое чудовище. Многие рассказывают о его безумии. Он

утверждал, будто видел легендарный Ирам*, или Многоколонный град, и в руинах некоего безымянного покинутого города нашел ошеломляющие хроники и сокровенные знания расы, более древней, чем человечество. Формально он исповедовал ислам, но почитал неведомые сущности, которые называл Йог-Сототом и Ктулху.

В 950 году «Азиф», имевший широкое, хотя и негласное хождение среди философов того времени, был тайно переведен на греческий язык Теодором Филитом из Константинополя и получил название «Некрономикон». На протяжении столетия эта книга волновала умы и побуждала некоторых исследователей к ужасным экспериментам, пока наконец ее не запретил и не сжег патриарх Михаил. После этого о ней говорили только украдкой, но затем в Средние века (в 1228 году) Олай Вормий сделал латинский перевод, и этот латинский текст был напечатан дважды, первый раз в пятнадцатом веке готическим шрифтом (судя по всему, в Германии) и второй раз в семнадцатом (вероятно, в Испании) — оба издания без выходных данных, время и место их появления определены исключительно по типографским особенностям. Как латинский, так и греческий текст были запрещены папой Григорием IX в 1232 году, вскоре после появления латинского перевода, привлечшего к книге внимание. Арабский оригинал во времена Вормия был уже утрачен, о чем он сам пишет в предисловии, а о греческом переводе, отпечатанном в Италии между 1500 и 1550 годами, ни разу не упоминалось с того момента, как в 1692 году сгорела библиотека некоего жителя Салема. Английский перевод, выпол-

* Коран 89:7.

ненный доктором Ди, опубликован не был и существует лишь в виде фрагментов оригинальной рукописи. Из сохранившихся латинских текстов одна книга (XV в.), как известно, находится в Британском музее в специальном хранилище, тогда как другая (XVII в.) хранится в Национальной библиотеке в Париже. Издание семнадцатого века имеется также в Библиотеке Уайднера в Гарварде и в библиотеке Мискатоникского университета в Аркхеме, а также в библиотеке Университета Буэнос-Айреса. Вероятно, тайно существует и множество других экземпляров, и один из них, пятнадцатого века, по слухам, составляет часть коллекции знаменитого американского миллионера. Если верить еще более смутным слухам, греческое издание шестнадцатого века сохранилось в семье Пикмана в Салеме; но, если так, оно исчезло вместе с художником Р. А. Пикманом, пропавшим в начале 1926 года. Эта книга официально запрещена в большинстве стран и всеми официальными конфессиями. Ее чтение приводит к ужасающим последствиям. Именно из слухов об этой книге (о которой широкой публике почти неизвестно) Р. В. Чемберс, говорят, почерпнул идею одного из своих первых романов, «Король в желтом».

Хронология

Ок. 730 н.э. Абдул Альхазред написал «Аль-Азиф» в Дамаске.

950 г. Переведена Теодором Филитом на греческий под названием «Некрономикон».

1050 г. Сожжена патриархом Михаилом (греческий текст; арабский текст к этому времени утрачен).

1228 г. Олай Вормий перевел с греческого на латынь.

1232 г. Папа Григорий IX уничтожает латинский и греческий тексты.

XV век Издание готическим шрифтом (Германия).

XVI век Издание греческого текста в Италии.

XVII век Переиздание латинского текста в Испании.

Примечание

В дополнение следует привести письмо, написанное Кларку Эштону Смиту 27 ноября 1927 года:

Этой осенью у меня не было возможности написать что-то новое, но я привел в порядок заметки и комментарии к ненаписанному, задумав несколько рассказов об ужасных тварях. В частности, я собрал воедино сведения о знаменитом и запрещенном цензурой «Некрономиконе» безумного араба Абдула Альхазреда! Судя по всему, это шокирующее кошунство создал уроженец йеменской Саны, творивший около 700 года нашей эры и совершивший множество мистических паломничеств: к руинам Вавилона, к катакомбам Мемфиса, к населенным дьявольскими существами нехоженым пустошам великой южноаравийской пустыни Руб-эль-Хали, где, по его словам, он нашел записи расы более древней, чем человечество, и проникся поклонением Йог-Сототу и Ктулху. Книга была создана им

в преклонном возрасте, когда он проживал в Дамаске, и первоначальное название ее — «Аль-Азиф»: словом «азиф» (ср. примечания Хенли к «Ватеку» Бекфорда) арабы обозначали ночные звуки (издаваемые насекомыми), которые принимали за вой демонов. Альхазред умер или исчез в 738 году при ужасных обстоятельствах. В 950 году «Аль-Азиф» был переведен на греческий язык византийцем Теодором Филитом и получил название «Некрономикон», а столетие спустя книгу предали сожжению по приказу константинопольского патриарха Михаила. «Некрономикон» был переведен на латынь Олаем в 1228 году, но помещен папой Григорием IX в 1232 году в Index Expurgatorius. Оригинальный арабский текст утрачен еще до Олая, а последняя известная греческая копия погибла в Салеме в 1692 году. Книжные издания осуществлялись в XV, XVI и XVII веках, но сохранилось всего несколько экземпляров. Где бы эта книга ни хранилась, ее тщательно стерегут ради спокойствия и равновесия во всем мире. В библиотеке Мискатоникского университета в Аркхеме некий человек однажды прочитал эту книгу и, дико озираясь, бежал в горы... Но это уже совсем другая история!

Еще в одном письме (Джеймсу Блишу и Уильяму Миллеру, 1936) Лавкрафт пишет:

Вам посчастливилось стать обладателями бумажных копий гадкого адского «Некрономикона». У вас латинское издание, отпечатанное в Германии в пятнадцатом веке, греческая версия, отпечатанная в Италии в 1567 году, или испанский перевод 1623 года? Или у вас экземпляры разных изданий?

ВОСПОМИНАНИЯ О ДОКТОРЕ СЭМЮЭЛЕ ДЖОНСОНЕ

Честь излагать Воспоминания, как бы скучны или бессвязны они ни были, обычно предоставляется очень пожилым людям; и действительно, неизвестные события Истории и малоизвестные случаи с участием Великих зачастую передают Потомкам с помощью таких вот мемуаров.

Немало моих читателей замечали порой своеобразный налет Старины в моей манере Изложения, и мне отраднo было появляться среди представителей Того Поколения в качестве Человека Молодого, прикрываясь вымыслом, будто родился я в 1890 году в Америке. Однако ныне я решусь раскрыть Тайну, что доселе хранил, страшась Недоверия, и Откровенно поведать Правду о своем подлинном возрасте, дабы удовлетворить жажду достоверных сведений о той Эпохе, с достославными Особами коей я был на короткой ноге. Да будет Вам известно, что я появился на свет в родовом поместье в Девоншире августа 10 дня 1690 года (а по новому григорианскому стилю Летосчисления — 20 августа), и означает сие, что мне сейчас 228 лет. Перебравшись в Лондон совсем юным, я видел в молодые годы многих знамени-

тых Особ времен царствования короля Вильгельма, среди прочих и печально известного господина Драйдена, частенько сиживавшего за столиками кофейни Уилла. Впоследствии я свел довольно короткое знакомство с господином Аддисоном и доктором Свифтом, а после стал весьма близким другом господина Поупа, с коим общался и коего уважал до самой его смерти. Но понеже сейчас веду речь о моем недавнем Коллеге докторе Джонсоне, жившем в более позднее время, то отставлю пока свою молодость.

Впервые я услышал о докторе в мае 1738 года, хотя в ту пору еще не встречался с ним. Господин Поуп как раз закончил эпилог к своим «Сатирам» (фрагмент, начинающийся словами «Не дважды в Год ты появляешься в Печати») и готовил его к Публикации. В тот самый день, когда эпилог этот увидел свет, в печати появилась и Сатира в Подражание Ювеналу, поименованная «Лондон», неизвестного тогда Джонсона; она так поразила жителей города, что многие Джентльмены, славящиеся хорошим Вкусом, заявляли, что се — Творение Поэта более великого, нежели господин Поуп. И хотя отдельные недоброжелатели сеяли слухи о мелочной завистливости г-на Поупа, тот воздавал Стихам своего нового соперника немалые хвалы и, узнав от господина Ричардсона, кто сей поэт, сказал мне, что «господина Джонсона вскоре еще откопают».

Мы с доктором не были Представлены друг другу до 1763 года, когда нас познакомил в таверне «Митра» господин Джеймс Босуэлл, молодой шотландец из прекрасной семьи, человек великой учености при невеликом уме, чьи рифмические Излияния мне доводилось порой улучшать.

Вот каким я увидел доктора Джонсона: склонный к полноте, страдающий отдышкой, очень дурно одетый и вообще неопрятный. Припоминаю, что на нем был пышный, короткий завитой парик, неподвязанный, ненапудренный да и маловатый для его головы. Одежды его, рыжегато-коричневые, были сильно измяты, нескольких пуговиц не доставало. Лицо доктора, чересчур полное, чтоб быть изящным, казалось подпорченным каким-то болезненным Расстройством, а голова его то и дело конвульсивно подергивалась. Об этом Изъяне, впрочем, я знал заранее от господина Поупа, взявшего на себя труд навести некоторые Справки.

Будучи почти семидесяти трех лет, на целых девятнадцать лет старше доктора Джонсона (я называю его «доктором», хотя степень ему присудили только через два года), я, разумеется, ожидал от него почтительного отношения к моему возрасту и потому не испытывал перед ним того страха, в котором признаются другие. Когда я поинтересовался у него, какого он мнения о моем одобрительном отзыве на его «Словарь» в «Лондонце», моей периодической газете, он заметил: «Сэр, не припоминаю, чтобы читал вашу газету, и не слишком интересуюсь мнением менее разумной части человечества». Не на шутку задетый неуachtивостью человека, чья Известность понуждала меня пещься о его Одобрении, я отважился ответить ему в том же тоне и выразил удивление тем, что человек Здравомыслящий берется судить о Разумности того, чьих Произведений никогда не читал. «Видите ли, сэр, — отвечал Джонсон, — мне вовсе не требуется знакомиться с Писаниями человека, чтобы оценить Поверхность созданного им, когда он столь

явственно выдает ее стремлением упомянуть о своих Трудах в первом же обращенном ко мне вопросе». Таким вот образом завязав Дружбу, мы общались впоследствии по самым разным Вопросам. Когда, соглашаясь с ним, я заметил, что сомневаюсь в подлинности поэм Оссиана, господин Джонсон сказал: «Это, сэр, не делает особой Чести вашему Пониманию; ибо то, что подозревают все поголовно горожане, не может стать великим Открытием, сделанным уличным критиком с Граб-стрит. С таким же успехом вы можете заявить, что всерьез подозреваете, будто «Потерянный рай» написал не Мильтон!»

С той поры я довольно часто виделся с Джонсоном, как правило, на заседаниях «Литературного клуба», основанного доктором на следующий год вместе с господином Бёрком, парламентарием, господином Боклерком, джентльменом, обладающим Вкусом в одежде, господином Лэнгтоном, человеком благочестивым и капитаном милиции, сэром Дж. Рейнольдсом, известным Художником, доктором Голдсмитом, Автором поэзии и прозы, доктором Ньюджентом, тестем господина Бёрка, сэром Джоном Хокинсом, господином Энтони Шамье и мною. Обычно мы раз в неделю, в семь вечера собирались в «Турецкой голове» на Джеррард-стрит в Сохо, пока эту Таверну не продали и не превратили в частное жилище; после этого События наши Собрания последовательно перемещались в «Принц» на Сэквилл-стрит, в «Ле-Телье» на Дувр-стрит, в «Парслоу» и, наконец, в «Дом с соломенной крышей» на Сент-Джеймс-стрит. На этих Встречах мы поддерживали великолепную атмосферу Дружелюбия и Спокойствия, что очень выгодно отличается от тех разно-

гласий и разлада, какие я сегодня наблюдаю в профессиональных и любительских Объединениях издателей. Это Спокойствие тем более знаменательно, что среди нас были Джентльмены, придерживавшиеся весьма различных Мнений. Мы с доктором Джонсоном, как и многие другие, были ярыми Тори, тогда как господин Бёрк принадлежал к Вигам и выступал противником американской войны; многие его Речи по этому вопросу доступны широкой публике. Наименее дружелюбным участником нашего кружка оказался один из основателей, сэръ Джон Хоккинс, написавший впоследствии много лживых историй про наше Общество. Сэръ Джон, человек по природе своей эксцентричный, однажды отказался вносить свою часть Платы за Ужин, ибо имел Обыкновение не Ужинать дома. Позднее он оскорбил г-на Бёрка в столь неприемлемой Манере, что все мы сочли своим Долгом выразить ему Неодобрение; после того случая он больше не появлялся на наших Собраниях. Однако при всем том он вовсе не ссорился с доктором и даже стал его Душеприказчиком, хотя у господина Босуэлла и иных были основания сомневаться в его искренней Преданности. В более позднее время в Клубе состояли: господин Дэвид Гаррик, актер и давний друг доктора Джонсона; господа Томас и Джозеф Уортоны; доктор Адам Смит; доктор Перси, автор «Реликвий»; господин Эдуард Гиббон, историк; доктор Бёрни, музыкант; господин Мэлоун, критик, и господин Босуэлл. Г-н Гаррик поначалу имел некоторые Затруднения с Допуском на Собрания, ибо доктор, невзирая на большую личную Дружбу с ним, никогда не одобрял Сцену и все с ней связанное. При том Джонсон имел странное Обыкновение вступать-

ся за Дэви, когда прочие выступали против него, и спорить с ним, когда остальные его поддерживали. У меня нет Сомнений, что он искренне любил господина Гаррика, ибо никогда не отзывался о нем дурно, так же как о Футе, который вел себя грубовато, хотя был актером комического жанра. Мне не очень-то нравился г-н Гиббон ввиду его отвратительной Манеры глумиться, что задевало даже тех из нас, кто восхищался его историческими Сочинениями. Больше прочих мне пришелся по душе господин Голдсмит, человек вполне заурядный, изрядный модник и франт, малоискусный в поддержании Беседы — ведь и сам я не блистал суждениями. Он отчаянно завидовал доктору Джонсону, но тем не менее любил и уважал его. Помню, однажды в нашей компании явился Иноземец, будто бы немец; пока говорил Голдсмит, этот человек заметил, что доктор вознамерился что-то сказать. Невольно отнесясь к Голдсмиту как к незначительной препоне в общении с более великим человеком, Иноземец резко прервал его (чем навлек на себя стойкую Враждебность), воскликнув: «Тише, токтор Шонсон сопрался говорить!»

В этой блистательной компании мирились с моим присутствием скорее из уважения к моим летам, чем ради Остроты Ума или Учености; во всем прочем я был им не ровня. Моя Дружба с прославленным господином Вольтером вызывала лишь Досаду у доктора, который твердо придерживался консервативных взглядов и мог бы сказать о французском Философе: «Vir est acerrimi Ingenii et paucarum Literarum», то есть «муж острейшего ума, но малой образованности».

Знакомый мне и Прежде господин Босуэлл, проявлявший склонность к мелким колкостям, высмеи-

вал мои неловкие Манеры и старомодные Парики и Одежания. Однажды, слегка захмелев от Вина (к ко- ему имел пристрастие), он вздумал Экспромтом со- чинить на меня памфлет в стихах, записывая их на столешнице, но без той Помощи, к коей обычно прибегал при создании своих Сочинений, сделал вопиющую грамматическую Ошибку. Я сказал ему, что не стоит писать памфлеты на Истоки своей Поэ- зии. В другой раз Боззи (так мы его звали) пожало- вался, что в Статьях моего «Ежемесячного обозре- ния» я чрезмерно Суров к начинающим Авторам. Он заявил, что я сбрасываю всех претендентов со скло- нов Парнаса. «Сэр, — отвечивал я, — вы заблу- ждаетесь. Непреуспевшие скатываются вниз лишь по Скудости своих Сил, но, желая скрыть это, винят в Отсутствии Успеха первого же Критика, упомянув- шего о них». Приятно вспомнить, что доктор Джон- сон поддержал меня в этом Вопросе.

Доктору Джонсону не было равных в стараниях, прилагаемых к исправлению дурных Стихов других авторов; говорят даже, будто в книге миссис Уиль- ямс, бедной подслеповатой старушки, строк, писан- ных не доктором, осталось всего две. Однажды Джон- сон продекламировал мне несколько строк слуги герцога Лидского, которые так позабавили его, что он запомнил их наизусть. Написанные на свадьбу герцога, своим Качеством они до того схожи с Тво- рениями иных, более поздних Олухов от поэзии, что я не могу не привести их здесь:

Когда герцог Лидский обженится
С леди молодой и возвышенной,
То счастлива будет сия госпожа
Под сенью Его Высочайшества.

Я поинтересовался у доктора, не пытался ли он придать Смысл этому Отрывку, и, поскольку он сказал «нет», я, забавляясь, внес следующее Исправление:

Когда достославный удачно обженится Лиде,
Чтоб славную линию древнего рода продлить,
То Дева гордиться должна, ничьих не стесняясь лиц,
Что мужа такого великого сможет любить!

Когда я ознакомил с этим доктора Джонсона, он заметил: «Сэр, выправив Хромоту, вы не вложили в стих ни Остроумия, ни Поэзии».

Я с Удовольствием продолжил бы рассказ о своем Общении с доктором Джонсоном и умами его круга, но я стар и быстро утомляюсь. Припоминая бывшее, я словно бы блуждаю без особой Логики или Упорядоченности; боюсь, я осветил лишь несколько Случаев, не обнародованных никем другим. Если мои нынешние Воспоминания будут приняты Благосклонно, я могу впоследствии изложить и некоторые другие занимательные Истории из прежних времен, Истории, коих я единственный живой ныне Участник. Я помню еще многое о Сэме Джонсоне и его клубе, Членство в каковом сохранял много спустя после Смерти доктора, о коей искренне скорблю. Я помню, как Джона Бергойна, эсквайра и генерала, чьи Драматургические и Поэтические Творения увидели свет уже после его Смерти, не допустили в клуб из-за трех голосов «против» — вероятно, ввиду его прискорбного Поражения под Саратогой в Американской войне. Бедный Джон! Пожалуй, сын его преуспел более и даже стал баронетом. Но я очень устал. Я стар, очень стар, и мне пора укладываться для Дневного Покая.